

В. Г. Белинский

Очерки русской литературы

Виссарион Белинский
Очерки русской литературы

«Public Domain»

1840

Белинский В. Г.

Очерки русской литературы / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1840

Еще в марте 1839 года Белинский извещал в «Московском наблюдателе» о предстоящем выходе «Очерков русской литературы» Н. А. Полевого, в основном состоящих из статей, ранее напечатанных в журнале «Московский телеграф». Статья Белинского открыто полемична по замыслу и выполнению. Это было первое обстоятельное суждение Белинского о Полевом-критике на страницах журнала «Отечественные записки», как бы обобщающее и развивающее его прежние высказывания в «Московском наблюдателе» на эту тему. Две линии в деятельности Полевого – с одной стороны, сотрудничество в реакционных петербургских изданиях, союз с Булгариным и Гречем, отказ от бывшего свободомыслия, а с другой – верность философским и эстетическим идеям, характерным для 1820-х годов и устаревшим к концу 1830-х, более глубоко раскрыты в данной статье.

© Белинский В. Г., 1840

© Public Domain, 1840

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Виссарион Григорьевич Белинский

Очерки русской литературы

Сочинение Николая Полевого. 1839. Санкт-Петербург. В тип. Сахарова. Две части. В 8-ю д. л. В 1-й части XLIII и 456, во II-й – 510 стр.

Г-н Полевой не поэт и не ученый, но писатель и литератор, и притом замечательный в полном значении этого слова. С лишком двадцать лет действовал он на литературном поприще, и участие его в литературе было чувствуемо, видимо и даже богато результатами, которые имеют вид большей или меньшей заслуги^[1]. Теперь поприще его почти кончено: он сам говорит это в предисловии к своим «Очеркам» (стр. XIV)^[2]. Продолжая действовать вновь и часто *новым* и *особенным* против прежнего образом, он, однако, отстал от нового поколения. Следовательно, для него настало время суда и оценки, словом – сознания.

Ничего нет труднее, как судить о произведениях писателя, разбросанных по журналам или появлявшихся в разъединенных изданиях, поштучно: только полное собрание их дает возможность обозреть деятельность писателя в ее общности и совокупности и произнести ей суждение, под влиянием полного и целостного впечатления. Сам г. Полевой понял это, – и, сознавая конец своего поприща, предпринял издание своих критических статей, рассеянных по «Телеграфу», «Библиотеке для чтения» и «Сыну отечества». Его предупредительность в этом отношении так велика, что он даже озаботился познакомить публику с своею частною жизнью и произнести себе полную оценку. «В романе, в драме, в истории, критике я всегда был один и тот же (говорит он в предисловии). *Мечтатель* в повести, *беспристрастный исследователь* в истории, иногда строгий критик *чужого* произведения, я ошибался и думал, может быть, неверно, но никогда не изменял добру, и никогда не подымалась рука моя сорвать венки с заслуг, никогда голос мой не возвышался против дарования истинного» (стр. XIII)^[3]. Всему этому мы охотно верим – и как не верить, когда нас уверяет в этом сам г. Полевой, который себя знает лучше других? – Но мы в то же время думаем, что суд о себе принадлежит другим, а не самому себе и что подобные уверения очень похожи на оправдания в вине, в которой нас никто не уличал. Особенно интересны и умилительны уверения г. Полевого в чистоте его души и незлобии сердца – в том, что ему всегда были чужды низкие чувства, каковы зависть, противоречие с своим убеждением; что это подтверждают втайне самые враги его; что многие из бывших его врагами, узнав его покороче, крепко жали ему руку и делались его искренними друзьями, и пр. и пр. (стр. IX). И этому всему мы охотно верим – из вежливости; но все это приятнее было бы нам услышать о г. Полевом от кого-нибудь другого, чем от него самого. Не говоря о том, что суд о самом себе не всегда бывает чужд пристрастия, – законы приличия запрещают занимать публичное внимание своею особою, а тем более похвалами ей... В одном месте предисловия откровенность г. Полевого перед публикою дошла до того, что он признался ей по секрету, что, простив всем своим врагам, никак не мог простить *четверых*... (стр. XI). Что сказать обо всем этом? Гете без зазрения совести говорил о себе, как о гении, – и все верили ему, слушали его с благоговением. Та же история была и с Суворовым... Позвольте, позвольте!.. Вспоминаем... В IV № «Сына отечества» за прошедший год было напечатано умилительное и

[1] Н. А. Полевой впервые выступил в печати в 1817 г. с двумя стихотворениями (одно – перевод с французского) и двумя корреспонденциями из Курска («Вестник Европы», 1817, № 7–8, 15–16, 19–20). В историю русской литературы вошел прежде всего как издатель и ведущий сотрудник одного из лучших русских журналов того времени «Московский телеграф» (1825–1834). Кроме того был историком, драматургом, автором романтических повестей, сатирических очерков и фельетонов.

[2] В предисловии «Несколько слов предварительно» на указанной Белинским странице Половой говорит о себе как представителе «поколения уже преходящего», труды которого для «нового поколения» имеют «цену историческую».

[3] Курсив Белинского.

дружеское послание г. Полевого к г. Булгарину^[4], в котором г. Полевой говорит о себе, между прочим, следующее: «Великий Гете говорил, помнится, Эккерману, что надобно делать что можно и никогда не рассчитывать на великое и огромное, ибо великое и огромное явится само собою, если только бог дал нам для него способность. Великий Суворов отвечал кому-то, кто спрашивал (его?), как он мог одержать столько побед и сделаться столь великим полководцем: «Помилуй бог, просто: я всегда воображал себе, что я прапорщик и несу голову за первый крестик; другие осторожны, помилуй бог – *ретирады, деплояды* – а оттого они *хорошие* полководцы, а я *великий* полководец!» Я всегда был уверен в истине слов Гете и Суворова, и потому бросался страху прямо в глаза, уверенный, что если бог дал мне средства на *великое, великое* явится само собою» (стр. 111 и 112)^[5]. Не забудьте, что г. Полевой, упоминая о Гете и Суворове, говорит о своих драматических пьесах... Что ж тут удивительного? – Сознание собственного величия свойственно всякому великому человеку... Это еще довольно скромно, а – вот был на святой Руси человек, который печатно сказал о себе: «Я знаю Русь, и Русь меня знает». Кто бы, вы думали, был этот великий человек?.. Конечно, Петр Великий, который мощною рукою вдвинул Россию во всемирную историю, указал ей в будущем всемирное и первое место и тем изменил грядущие судьбы целого мира, целого человечества?.. Или Суворов, этот чудо-богатырь, выигравший столько же побед, сколько давший сражений, опора и рушитель царств, он, которого видевшие еще живы и который стал уже каким-то мифом, каким-то фантастическим героем фантастической поэмы?.. Или, может быть, Пушкин, в художественных созданиях которого бьется пульс русской жизни и которого поэтический гений, еще в его колыбели, крылатая молва народного сознания нарекла великим и национальным?.. Нет, не *они* сказали о себе эту громкую фразу, а все *он* же, все господин же Полевой...^[6] Повторяем, тут нет ничего странного – тут одно только сознание своего величия... Нам, может быть, возразят, что когда подобное сознание выговаривает о себе гений, то выговаривает его как «власть имеющий», и потому его сознание не только не оскорбляет чувство других, но еще и возвышает его; но что, когда в ответ ему раздаются смех и свистки, оно означает неуместное самохваление; что не всякий – великий человек, кто только показывается публике с небритою бородою и в халате нараспашку и говорит с нею запросто, как свой с своим, и что гением себя сознавал не один Гете, но и Александр Петрович Сумароков... Чтобы не заходить далеко, мы не будем отвечать на это возражение, а приступим к делу...

В числе причин, побудивших г. Полевого издать собрание написанных им журнальных статей, было еще и желание – оправдаться перед публикою в тех из сих статей, которые были напечатаны в «Библиотеке для чтения» и которые были до того изменены произволом редактора этого журнала, что г. Полевой не может признать их своими. Редактор «Библиотеки» своевольно поправлял статьи г. Полевого, урезывал их, делал свои приставки и вставки, которые состояли в брани на Гоголя и потехах над всем, что не нравилось г. редактору... (см. XV–XIX). Тяжело и грустно говорить о делах будто бы литературных, а между тем принадлежащих вовсе не к литературе, а к другому ведомству!..

Во всяком случае, «Очерки русской литературы» г. Полевого – книга в высшей степени интересная, достойная полного внимания и стоящая оценки важной и беспристрастной. Г-н Полевой может назваться представителем мнений об искусстве и науке целого периода нашей литературы^[7]

^[4] Имеется в виду статья Полевого «Несколько слов о русской драматической словесности (Письмо к Ф. В. Булгарину)» в «Сыне отечества», 1839, № 4, отд. IV, с. 103–118.

^[5] Курсив в словах «великое, великое» Белинского.

^[6] Полевой писал о себе в предисловии к роману «Клятва при гробе господнем» (ч. I, М., 1832, с. IX): «Я... Русь знаю, Русь люблю, и... Русь меня знает и любит».

^[7] Имеется в виду московский период журнально-критической деятельности Полевого, когда он выступал в «Московском телеграфе» как представитель романтической критики, защищавшей романтизм в художественной литературе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания